

ЮРИЙ ЛОТМАН И УЧЕНЫЙ МЕМУАРИСТ, ВЕСЬ В БЕЛОМ

Я никак не собираюсь претендовать на значимые исторические свидетельства о Юрии Михайловиче Лотмане и о его жене Заре Григорьевне Минц, у меня для этого нет оснований. Были, и живы по сей день, люди, знавшие их куда лучше моего, написано, и еще будет написано, множество воспоминаний, есть превосходная книга Бориса Федоровича Егорова, друга и коллеги Юрия Михайловича.¹ Я, возможно, и не решился бы на эту скромную интарсию, если бы не одно обстоятельство. В литературе, которую я листал, ясно просматриваются две точки зрения на Лотмана. Одни, его друзья, единомышленники и коллеги рисуют идеальный образ человека, ученого, мыслителя, лидера революционного направления в отечественной – и не только отечественной – гуманистике. Другие не без удовольствия раскрашивают тени: авторитарность, нетерпимость к другому мнению, ревность по отношению к успехам коллег. Что делать, в потоке мемуарной литературы, которая затопляет книжное и журнальное пространство, определился и процветает особый сектор, жанр в жанре или поджанр – скатологический, где только самому автору удастся сохранить крахмальную белизну одежд.

Один мемуарист не поспешил на гипотезу: рассказывая о том, как Б.Гаспаров, выдающийся ученый, покинул Тарту и эмигрировал, он предположил, что Лотман в этот момент “вздыхнул с облегчением”. Другой... Пожалуй, здесь я позволю себе развернутый пример, видимая утонченность которого делает его интересным.

В своих воспоминаниях о редакторах всякого рода – это отдельное такое эссе, – А.Жолковский, известный лингвист и литературовед, ныне профессор в Лос Анджелесе, приводит следующий эпизод.

“... Крупный ученый (ныне покойный), вождь научной школы, Главный Редактор целой престижной серии. Маринует статью года три, потом через Младшего мне удается узнать, что том двинулся, и даже добыть верстку. В ней я обнаруживаю критическую врезку от редакции и отсутствие дорогих мне эпиграфов, причем мой информант сообщает мне, что менять что-либо уже поздно. “Да ты позвони Ему, Он в Москве, у такого-то”, - добавляет мой друг-блондин, явно предвкушая назревающее столкновение.

Звоню, застаю с первого раза, требую восстановить эпиграфы.

- Да они Вам не нужны. - Зачем они Вам?

- Во-первых, они кратко выражают суть, во-вторых, я считаю, что их автор незаслуженно забыт или замалчивается. (В частности, Вами, - не говорю я.)

---

¹ Б.Ф.Егоров. Жизнь и творчество Ю.М.Лотмана. М.: Новое литературное обозрение, 1999. Там же относящаяся к делу библиография.

- К тому же у нас нет места.
- Позвольте, но моя статья не так уж длинна, лежит у Вас давно, и Вы ни разу не заикнулись о размере... Места вполне хватит, если Вы снимите свою врезку, которая мне действительно не нужна.
- Я бы не выставлял этих эпиграфов.
- Но Вы их и не выставляете. Это моя статья, а не Ваша.
- Знаете что, я спешу на лекцию и вынужден прервать разговор. До свидания.
- До свидания.

Свиданию, однако, не суждено было состояться, ибо, утомленный истеблишментом и антиистеблишментом почти в равной мере, я эмигрировал. Статья же через некоторое время вышла - с эпиграфами и без врезки. Вопреки официозу напечатать диссидента-отъезжанта было для этого Главного делом чести, доблести и героизма - тут уж не до тонких семиотических разногласий...²

Читатель, хоть сколько-нибудь знакомый с описываемым миром, мог без труда догадаться, о ком идет речь, и, следовательно, по чьему адресу шпильки. Но мемуарист, не надеясь, видимо, на сообразительность читателей или желая расширить круг узнающих, в другой статье, процитировав приведенный отрывок, декодировал его:

*“Для истории, - как говорил Фома Берлага, не в интересах истины, а в интересах правды, - оглашу опущенные в массовом издании имена собственные. В порядке появления: Ю. М. Лотман, И. А. Чернов, Б. А. Успенский, М. О. Гершензон [...]”*³

Так вот, в интересах правды имеет смысл прочесть пристальней этот мемуарный фрагмент. Итак, Главный, т.е. Лотман, года три маринует статью, после чего автор узнает, что “том двинулся”. Значит, это целый том находился в состоянии неподвижности, не так ли? Не мешает вспомнить обстоятельства, о которых мемуарист умалчивает. К тому времени счастливые годы “Трудов по знаковым системам” были позади, на Лотмана давили всячески, в частности, очень просто, на “Труды” не давали бумаги! Выпуск 1971 года (пятый) насчитывал чуть более 550 страниц, выпуск 1973-го – более 570, а вот десятый (1978) – 145, одиннадцатый (1979), где названная статья А.Жолковского – 143. Ждать приходилось не ему одному.

Далее, о Младшем. Это Игорь Аполлониевич Чернов, ближайший ученик и коллега Ю.М. Повествователь называет его другом-блондином. Я знал всю семью Черновых, его отец много лет заведовал нашей

---

² А.К.Жолковский. О редакторах. Цит. по:

<http://www.usc.edu/dept/las/sll/rus/ess/red.htm>

³ А. К. Жолковский. Ж/З-97 – цит. по: <http://www.usc.edu/dept/las/sll/rus/ess/z97.htm>.

Прошу обратить внимание не трогательную дискретность автора: в массовом издании он эти имена не оглашал, только для узкого круга! Однако, я их нахожу не в эзотерическом издании для посвященных, а во Всемирной сети. Как говорится, по секрету – интернету... Кстати, Б.Успенский назван зря: первый эпиграф – из Романа Якобсона.

гибридизированной кафедрой – и если мне не изменяет зрительная память, Игорь Аполлониевич скорее светлый шатен. Впрочем, я могу ошибиться, давно не встречались, да не в том дело: “друг-блондин” – это не для памяти зрительной, а для памяти литературной. Ищите в записных книжках Ильи Ильфа: “Есть у тебя друг-блондин, но он тебе не друг-блондин, а сволочь”. Так с помощью изящной интертекстуальности, словно бы между делом, можно швырнуть ком грязи в Игоря Чернова, хотя из текста никак нельзя заключить, чем он этот ком заслужил. Да, и ком то не один, мы тут же узнаем, что И.Чернов еще и интриган, который подстраивал и предвкушал назревающую склоку.

К спору об эпиграфах. Одиннадцатый выпуск со статьей Жолковского передо мной, эпиграфов два – из М.Гершензона и из Р.Якобсона. Упрек Лотману – насчет Гершензона. Ну, не знаю, перечитывать всего Лотмана, чтобы проверить, заслужен ли упрек, мне недосуг. Но снявши с полки подвернувшиеся под руку лотмановские “Беседы о русской культуре”, я тут же наткнулся на две ссылки.⁴ Видимо, если Лотман и замалчивал Гершензона, то как-то бессистемно.

Теперь давайте прислушаемся к интонационно-смысловому рисунку телефонного обсуждения.

“Вы ни разу не заикнулись о размере...” Каждый, кто помнит, что Юрий Михайлович слегка заикался, сумеет оценить элегантную остроту профессора Жолковского.

Далее, Лотман, с присущей ему академической учтивостью, излагает свое мнение в сослагательном наклонении – *“я бы не выставлял...”*. На что следует далеко не академическое – *“а вы и не выставляете. Это моя статья, а не ваша”*. В переводе на язык обыденной жизни это значит – *“а ты чего суешься, морда, твое какое дело?”* Когда разговор переведен в такую плоскость, редактору надлежит раздвинуть указательный и средний пальцы правой руки, образуя знак виктории, и ткнуть ими в глаза обидчику, приговаривая – *“а ты кто такой!”* Вместо этого воспитанный Лотман твердо, но вежливо прерывает беседу – и правильно делает. Можно было и раньше, после намека на заикание. Тем не менее, из уважения к желанию коллеги, как видим, врезку убирает, а автографы сохраняет!⁵

Это все – виньетки, если использовать выражение самого мемуариста⁶. Фокус композиции – в последней строчке, повторю ее для внятности: *“Вопреки официозу напечатать диссидента-отъезжанта было для этого Главного делом чести, доблести и геройства - тут уж не до тонких семиотических разногласий...”* Так вот, оказывается, где главное коварство профессора Лотмана! За счет обиженного Жолковского пытался нажить недурной морально-политический капитал! Теперь такие действия

---

⁴ Ю.М.Лотман. Беседы о русской культуре. Санкт-Петербург, 1994, с. 354-355., прим. 126 и 127.

⁵ В этом месте уж никак не обойти тот факт, что Ю.М.Лотман опубликовал статью А.Жолковского, хотя с его концепцией не был согласен и считал ее исходный тезис ошибочным. См: Внутри мыслящих миров. Часть первая. В книге: Ю.М.Лотман. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2001, с. 210 и след.

⁶ См.: Александр Жолковский. Мемуарные виньетки и другие non-fictions. СПб:Urbi: Литературный альманах, 2000.

называют красивым русским словом “пиар”; публикация статьи, которая, к тому же, открывала сборник, была шикарной “пиар-акцией”!

По честному признанию мемуариста, человек, о котором речь – уже покойный, и, следовательно, ответить не может. Пишущий обеспечил себе последнее слово, так сказать – над гробом.

В “Беседах о русской культуре” есть глава, посвященная дуэли. *“Дуэль – предрассудок, – пишет Ю.Лотман – но честь, которая вынуждена обращаться к ее помощи, – не предрассудок”*. Он говорил это от имени исторических персонажей, о которых речь, – современников Пушкина. Но и от себя тоже.

Однажды мы встретились с Лотманами в безнадежной очереди за билетами на Ленинградском вокзале. Мы возвращались с одесской дачи, Лотманы тоже откуда-то с юга. Об очереди как атрибуте реального социализма говорено многократно, Лотман будущего века, если такой объявится, в беседах о советской культуре посвятит очереди яркую главу. Он должен будет отметить, что в конце августа у билетных касс реальный социализм прямо-таки неистовствовал. Очередь была внешняя, она тянулась от окошка где-то от перронов мимо всего длинного здания вокзала и завивалась на площадь, которую звали Комсомольской. Вот там, неподалеку от нас, мы увидели Юрия Михайловича, Зару и двух мальчишек, Мишку и совсем маленького Гришку, Алешки еще и на свете не было. Нам достался купейный вагон, Лотманам тоже, и тот же, но не полностью, один билет пришлось взять в плацкартный. Естественно, Зара с мальчиками разместилась в купе, а Ю.М. удалился куда-то вглубь – искать свою полку. В нашем купе оказалась знакомая супружеская пара из Таллинна, и мы, уютно расположившись, предались вольной беседе за стаканом чая. Вдруг – время было уже довольно позднее – кто-то постучался в дверь. В коридоре стояла Зара, бледная и крайне напуганная. Боря, сказала она, найдите и позовите Юрия Михайловича. – Да что случилось?

Выяснилось, что пьяный сосед по купе сделал Заре так называемое гнусное предложение.

Я стал было настаивать, что мы сейчас сами с ним справимся, да я могу просто поменяться с нею местами, но Зара молила и требовала привести Юру. Я бросился искать и где-то в четвертом или пятом от нас вагоне нашел – Юрий Михайлович спал на нижней полке прямо в том, в чем был в очереди, не сняв белых парусиновых туфель и накрывшись серым жестяным плащом; видимо, у проводника нехватало постельных принадлежностей. Я разбудил его и сказал, что Зара хочет его видеть; уже на бегу я стал излагать причину.

– Я его сейчас убью, – сказал Лотман.

И убил бы. Ей-богу, убил бы! Честь, своя, жены, чужая – не предрассудок!

Но это там, где есть общепринятое понятие о чести. Я представляю себе, как – в том мире, который он так хорошо описывал – Юрий Лотман отвечает оскорбителю публичную пощечину и на другой день либо

убивает его на дуэли, либо погибает, защищая честь женщины, жены. Но что делать, когда высокие понятия вязнут в безнадежной банальности? Оскорбитель, пьяный в стельку, спал мертвецким сном, его невозможно было растолкать. Спящему и беззащитному хаму человек, наделенный чувством собственного достоинства, ничего сделать не может, даже убить не может. И развязка получается убогая, советски-серая, бумажная, чиновничья: проводник, начальник поезда, составление акта – и это при том, что актанта невозможно привести в сознание. Насколько я помню, когда Лотманы высаживались в Тарту, поездной сатир все еще спал, храпя спиртными парами.

С мемуарами такое ведь дело, что оскорбленный, случается, не может заступиться за свою честь. Нет его. Ну что же, я попробую сыграть роль второго плана – свидетеля, который подписывает акт.

Обратим внимание на следующую тонкость. А.Жолковский покинул отечество в августе 1979 г. Одиннадцатый выпуск Трудов вышел в свет уже после этого. Но сдан в набор он был в январе 1978-го, так на нем и написано, вот последняя страница, глядите:

SISUKORD

A. Zolkovski. Invariandid Puškini luules	3
J. Lotman. Jutustus kapten Kopeikinist (teema rekonstruktsioon ja ideelis-kompositsiooniline funktsioon)	26
F. Gerškovitš. J. S. Bachi ühest inventsioonist (klassikalise viini sonaadi tekkimisest)	44
B. Gasparov. Mozarti viimane sonaat	71
M. Lotman. Heli- ja tähendusžesti vahekord luuletekstis	98
J. Lekomtsev. Abstrahheerimisprotsess kujutavas kunstis ja semiootika	120

CONTENTS

A. Sholkovski. The invariants of Pushkin's poetry	3
Ju. Lotman. The Story of Captain Kopeikin (reconstruction of the theme and its ideological-compositional function)	26
F. Gershkovich. About on Innovation in I. S. Bach's music (the origin of the classical Viennese sonata)	44
B. Gasparov. Mozart's last sonata	71
M. Lotman. On the correlation of phonetic and semantic gestures in poetic language	98
J. Lekomtsev. The process of abstraction in fine arts and semiotics	120

Ученые записки Тартуского государственного университета. Выпуск 467. Семантика текста. Труды по знаковым системам XI. На русском языке. Тартуский государственный университет. ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 18. Ответственный редактор И. Чернов. Корректор Н. Чикалова. Сдано в набор 12. I. 1978. Подписано к печати 15. X. 1979. Бумага писчая 60×90 ¹/₁₆. Печ. листов 9,0 + 1 вклейка. Учетно-издат. листов 10,33. Тираж 1000. МВ-07376. Типография им. X. Хейдеманна, ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли 17/19. III.

Зак. № 146. Цена 1 руб. 50 коп.

7—2

Т.е., сборник был составлен, отредактирован и отдан в типографию не только до отъезда Жолковского, но даже до его вступления в серую зону “подачи”, так оно называлось на языке эпохи. Судя по тексту, **и верстка была готова до подачи**, и телефонная дискуссия тоже!

Итак, что же остается после всех вычитаний? Вот что: титульный редактор Лотман и редактор тома, друг-блондин Чернов, узнав, что Жолковский собрался уезжать, не струсили и не убрали его статью из сверстанного и готового к печати тома. Вот этот акт безусловной порядочности и мужества сделан предметом высокомерной насмешки профессора из Лос Анджелеса. Стыдно, молодой человек!

Но еще стыднее другое. Ибо в жизни дело обстояло совсем не так. Продолжительное пребывание за рубежами родины, видимо, ослабило память мемуариста – и он уже неясно различает реалии советской

идеологической ситуации семидесятых годов. Ему чудится, что Лотман в Тарту занимал позицию, внеположную системе, что не было на него ни Главлита, ни университетской, городской и выше партийной организации, ни доброжелателей-стукачей, ни самих органов, – и он мог демонстративно вынуть фигу из кармана и показать ее властям, а главное – оппозиционно настроенной интеллигенции. Но все было, было – и находилось в цветущей форме. Поверьте, без всякого Лотмана Главлит снял бы статью Жолковского в момент подписания к печати, когда бы знал об его эмиграции, которая в те времена оценивалась как “злодейство, противное казенному интересу”. Если бы власти опознали в авторе опубликованной в советском издании статьи человека, отрекшегося от социалистической родины, смертный приговор тартуским “Трудам”, и без того висевшим на волоске, был бы немедленно подписан и, как это было принято, тут же приведен в исполнение. Достаточно сказать, что когда эмигрировал Б.Гаспаров, разразился невероятный скандал: власти обнаружили его имя – только имя! – в списке членов редколлегии очередного выпуска! Спасти положение удалось с помощью уловки – пришлось заверить власти, что вышла опечатка и вместо М.Гаспарова по досадной оплошности был помещен Б.Гаспаров.⁷ К счастью

---

⁷ Благодарю очевидца события проф. Л.Н.Столочича за напоминание об этом эпизоде. Еще один эпизод вспоминает супруга профессора Столовича Вера Ивановна, которая работала в те времена в издательской группе Тартуского университета. В 9-й том “Семиотики” (1977 г.) была включена публикация, Л.С. Флейшмана “Томашевский и Московский лингвистический кружок”. В связи с тем, что Л.С. Флейшман либо уезжал, либо уже уехал, эстонское отделение Главлита потребовало, чтобы такой фамилии не было в печатном издании. Тогда Зара Григорьевна зачеркнула его фамилию в верстке и написала: “От публикатора”. С этим “автором” (“От публикатора”) статья и была опубликована (с. 113-115). Имя “От публикатора” раскрыто в квадратных скобках в Указателе Трудов по русской литературе и семиотике Тартуского университета 1958-1990 (Тарту, 1991, с. 107). Привожу фрагмент страницы с невиданным указанием автора:

ТОМАШЕВСКИЙ И МОСКОВСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КРУЖОК

От публикатора

Борьба «формалистов» с «символистами» является важнейшим моментом в деле построения научной теории стиха. Poleмика с символистскими трудами стимулировала выработку понятия о стихе как метрическом единстве, системный подход к его изучению, пересмотр кардинальных стиховедческих понятий — таких, как проза и стих, метр и ритм, силлабический и тонический стих, стопа, — и переформулировку их на последовательно «релятивистской» основе. Для изучения истории этой борьбы значительный интерес представляет доклад Б. В. Томашевского «Наукообразные», содержащий критический разбор стиховедческих взглядов В. Я. Брюсова¹ и А. Белого². В редуцированном виде критика эта была известна по печатным выступлениям Б. Томашевского 1920—1921 гг.³; значение публикуемого доклада состоит прежде всего в том, что он вписывается в общую картину выступлений Московского лингвистического кружка⁴ против символистского стиховедения⁵. Текст доклада Б. В. Томашевского (повторенного — по данным архива К. И. Чуковского <РО ГБЛ> — в том же 1921 г. в ОПОЯЗе) печатается по автографу, сохранившемуся среди бумаг МЛК у Б. В. Горнунга⁶ и предоставленному для публикации И. Н. Медведевой-Томашевской.

Несмотря на то, что все антисимволистские стиховедческие выступления МЛК исходили из общих теоретических предпосылок, — они различаются

для статьи Жолковского, Лотман не был осведомлен об его отъезде. К счастью для Лотмана и судьбы тартуских “Трудов”, власти не заметили незаконной публикации.

Чуть больше добросовестности – и мемуарист мог бы узнать, что семейство Лотманов находилось под неусыпным наблюдением органов безопасности, что в их квартире устраивали обыск. Времена гороховых пальто давно миновали, прогресс неумолим – и перед домом на улице (тогда) Бурденко, где жили Лотманы, под окнами их квартиры органы демонстративно ставили спецавтомобили с подслушивающими устройствами; однажды, когда я был у них, Зара Григорьевна показала мне это громоздкое чудо органотехники. Я уже не говорю о том, какие палки в колеса ставили Ю.М. на пути издания “Трудов”. Между тем, и Юрий Михайлович, и его жена не были железными рыцарями, они были нормальными живыми людьми, и обыкновенное чувство страха было им хорошо известно. Их жизненная позиция диктовалась отнюдь не желанием прославиться, заняв место в списке мучеников, или еще чем-нибудь в этом роде. Позвольте мне утверждать с достаточным основанием, что все дело было в нравственном императиве, да, том самом, категорическом, совершенно категорическом – который просто не разрешал жить и поступать иначе.

А вот высоколобое ерничанье А.Жолковского по поводу “дела чести, доблести и геройства” – безнравственно.

Можно было бы привести и другие мемуарные вылазки, да не хочется. Юрий Михайлович любил поминать слова Пушкина из письма к Вяземскому: *“Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего”*. Толпе, добавлю, уже и дела нет до того, реальные слабости или вымышленные, anything goes.

Скажу прямо – я принадлежу к первой из названных ранее двух групп. Не записываясь в друзья и единомышленники, я всегда буду твердить, что в моем понятии Юрий Михайлович остается эталоном человеческого достоинства и моральной цельности. А об его необычайной одаренности, выдающемся уме, смелости многообъемлющей мысли, о его вкладе в мировую и отечественную гуманистику и без меня сказано достаточно.

Вышло так, что мы встречались с Лотманами нечасто.

Зара быстро перешла с нами на ты, но Юрий Михайлович... Когда Зара говорила о нем “Юра”, я на секунду задумывался – о ком это она? Встречи бывали при разных обстоятельствах и в разном окружении, самые насыщенные – когда удавалось побеседовать без третьих лиц. Я помню его блистательные лекции и выступления, но в разговоре на двоих можно было узнать о вещах, которые меня сию минуту непосредственно занимали. Как-то в Таллинне такой разговор начался у нас за столом, а продолжался в машине – Ю.М. надо было срочно подъехать на вокзал. Я так увлекся, что,

---

слушая Лотмана, проехал перекресток на красный свет перед самым носом автоинспектора – не заметил ни того, ни другого. Тут теперь это стоит около трехсот долларов. А тогда было так, что в наш очевидно не бахтинский диалог с инспектором вмешалась жена, чтобы уж совершенно все провалить, и стала говорить вздор, не имевший отношения к делу, – что я вообще-то аккуратный водитель, но тут у нас в машине знаменитый ученый, с которым очень важное обсуждение происходит... Я знаю, что мне никто не поверит, но что было, то было: автоинспектор меня отпустил! Меня тогда заинтриговала и озадачила статья Ю.М. о парадоксах канонического искусства, мне пришло в голову альтернативное решение проблемы – вот это мы и обсуждали, так что не до светофоров было.⁸

Трудно представить более благожелательного собеседника – включая те случаи, когда Лотман не был согласен с твоим мнением или не находил в твоих суждениях наличия какого-либо мнения. Однажды я попросил у него разрешения прислать для ученого разговора мою коллегу, назовем ее Ольгой. Когда-то она была моей как-бы ученицей, затем окончила искусствоведческое отделение в Ленинграде, по моей рекомендации поступила в аспирантуру по эстетике в Ленинградский университет, к М.Кагану, начала работать над диссертацией, тему которой, весьма философскую, выбрала сама, но – увы – из-за тяжелой болезни диссертацию в аспирантские годы так и не написала. Она продолжала трудиться над своей темой и излагала мне свои идеи. Идеи выглядели чрезвычайно сложными и, стыдно сказать, я никак не мог ухватить суть. Показывала она свои разработки и напрямую руководителю – Кагану, который тоже признался мне, что не сумел до конца вникнуть в ее построения. Однажды она попросилась на аудиенцию к Лотману, с моей помощью разрешение было получено. Ольга вернулась из Тарту окрыленная – Юрий Михайлович ее выслушал, сказал, что очень интересно, что в его планах начать разрабатывать близкую проблематику и что тогда он и его коллеги (он говорил – мы) ее непременно привлекут к сотрудничеству. Я обрадовался ее удаче, но был уязвлен. Как это так получается, что Лотман сразу понял, а я в который раз пробую! Я попросил Ольгу снова изложить мне ход мысли. Мы долго сидели за кафедральным столом, она разъясняла, рисовала схемы для наглядности... Это был еще один провал, последний, я признал поражение и больше не пытался.

В какой-то приезд в Ленинград, сидя в Публичной библиотеке, я вдруг разглядел, что впереди меня, за большим столом, склонившись над огромным фолиантом, сидит ЮрМих. Мы вышли в вестибюль поговорить о том и сем, в середине разговора я вспомнил о моей коллеге и признался, что я ее концепцию не мог понять.

---

⁸ Я имею в виду статью Ю.М.Лотмана “Каноническое искусство как информационный парадокс” // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки, М.: 1973. Моя статья была опубликована у Ю.Овсянникова в “Искусствознании” – “Традиция и канон. Два парадокса” (Советское искусствознание ’80, вып. 2, М.: 1981). Если бы я переписывал это статью сейчас, я бы основные ее постулаты сохранил.

– Дда, знаете, – сказал ЮрМих – такое случается, молодые ученые иногда любят выражаться сложно и непонятно. Я, собственно, не понял того, что она мне излагала, но она, кажется, человек мыслящий, возможно, в ее идеях есть зерно, а псевдоученость постепенно пройдет...⁹

Я не помню точно, при каких обстоятельствах мы познакомились. Но хорошо помню один вечер, проведенный вместе; может быть, он и был первым. День тот, надо сказать, был не из простых – даже для судьбоносных дней начала 1953 года. Я тогда читал лекции помимо Таллинна еще и в Тарту, где доживал свои дни филиал нашего Художественного Института. Раз в две недели я ранним утренним поездом отправлялся в Тарту, за два дня расплачивался там с лекционными долгами и поздним вечером возвращался к месту проживания и регулярной службы.

И вот, ранним весенним утром, по-таллински прохладным, но солнечным, я прибегаю на вокзал, бросаю портфель на скамейку и выхожу на перрон покурить. В те годы страна была хорошо радиофицирована – на улицах, площадях, вокзалах и в других общественных пространствах мощные репродукторы непрерывно доводили до граждан государственно необходимую информацию. Есть такое понятие, о котором, вслед за русскими филологами-формалистами, и Ю.М. писал, бывало: автоматизация восприятия. Если какой-либо раздражитель повторяет сигнал монотонно, вы постепенно перестаете его замечать. Вы повесили в гостиной картину и наслаждаетесь новизной интерьера; через месяц наслаждение ослабевает, через два вы больше не обращаете на нее внимания. Чтобы снова сделать ее заметной, надо ее хотя бы перевесить. На этом была построена теория остранения, которую с таким блеском развивал Виктор Шкловский.

Рутинный грохот казенных репродукторов давно превратился в фоновый шум – и я, естественно, не прислушивался к хорошо артикулированной дикторской речи. Вдруг какое-то сочетание звуков заставило меня насторожиться. Радио торжественно вещало:

---

⁹ Вот параллельный пример – из чужих мемуаров. “Сразу по окончании Первой школы я составил текст в несколько строк, синтаксически правильный, но — как мне казалось — совершенно бессмысленный. Инвентарь его лексики состоял из слов типа «система» и «структура», «экспликация» и «контаминация», «трансформация» и «манифестация», «глобальный» и «универсальный» и т. п. Текст был замыслен, как пародия на то, что нередко звучало на занятиях школы, и мне казалось, что его пародийный характер будет очевиден всякому. Я ошибся. Я не учел простого обстоятельства: любому синтаксически правильному тексту, составленному из реальных (т. е. не таких, как в глокой куздре) лексем, можно придать некий смысл. Именно это и сделал Лотман — из деликатности ко мне. Когда я протянул ему (кажется, еще в автобусе, увозящем участников школы) бумажку с текстом, он воспринял мои формулировки всерьез и даже сказал что-то одобрителное. Разумеется, не потому, что они ему понравились, а не желая меня огорчить.”

В.А.Успенский, Прогулки с Лотманом и вторичное моделирование.

“http://www.ruthenia.ru/lotman/mem/vl_usp95.html

“...привлеченные по этому делу профессор Вовси М. С., профессор Виноградов В. Н., профессор Коган М. Б., профессор Коган Б. Б., профессор Егоров П. И., профессор Фельдман А.И., профессор Этингер Я. Г., профессор Василенко В. Х., профессор Гринштейн А. М., профессор Зеленин В. Ф., профессор Преображенский Б. С., профессор Попова Н. А., профессор Закусов В. В., профессор Шершевский Н. ...” Кто помнит, что значат эти имена, тот помнит. Для всех прочих: это список “врачей-убийц”, чей арест был кульминацией чудовищной антисемитской истерии, развязанной Сталиным с конца сороковых годов. И вот, я слышу этот перечень, произносимый державным левитановским голосом – и холод спускается по хребту. В тот момент, когда диктор добирается до сказуемого, раздается протяжный паровозный свисток – и я не слышу главного. Я не слышу глагола – то ли в неопределенном наклонении (расстрелять, повесить, как того требовали разгневанные трудящиеся, приговорить к...), то ли в прошедшем времени совершенного вида. Поэтому я кидаюсь в вагон, где тоже есть радио, а свисток паровоза звучит глуше. Но поздно, сообщение завершено.

Оказалось, однако, что столь важное известие следует повторить несколько раз. И тут уж я дослушал до конца.

Утром четвертого апреля 1953 года.

В Тарту на вокзале меня встречал Леня Столович. После первого приветствия он задал мне тревожный вопрос: слушай, тут в музее мне сказали, что тебе запрещено печататься, это правда? В чем там дело?

Это была странная правда. За месяц-полтора до того я нечаянно узнал, что мне вроде бы запрещено печататься. Дело было так, что по какому-то там плану я вместе с заведующим кафедрой графики профессором П.Лухтейном должен был написать небольшой текст для какого-то сборника. Однажды, встретив профессора, я спросил, когда начнем. Он отвечал, что хоть на следующей неделе, но вот кстати – он прослышал в Комитете по делам искусств, что мне запрещено печататься. Я спросил о запрете у директора Института – тот ничего не слышал. Я позвонил соответствующей чиновнице в Комитет, она сказала, что точно не знает, постарается узнать и мне по секрету сказать, а профессор Лухтейн пусть помолчит, он что, не понимает, что это государственная тайна! Юное эстонско-советское чиновничество иногда пленяло своей непосредственностью. Дама в конце концов конспиративно осведомила меня, что в Комитете об этом не знают, знают в ЦК партии. Я попросил тогдашнего председателя Союза художников узнать о деле в ЦК. И он, наивный, отправился в ЦК! Там ему сказали, что ЦК тут не при чем, это все Комитет по делам искусств. Председатель отправлялся в Комитет... Дознаться было невозможно, вязкая угроза выглядела началом чего-то более мерзкого, а тем временем известие добралось до Тарту!

Но четвертое апреля уже наступило. И я сказал другу, что такие слухи мне известны, но после сегодняшнего сообщения я могу на них не обращать внимания. Будучи в состоянии нервного возбуждения я, кажется, выразился более энергично.

– Какого сообщения? – спросил Леня.

Вечером, после лекций, он подхватил меня и привел в дом, где собрались главным образом люди ленинградской квазиэмиграции – Лотманы, экономист Михаил Бронштейн, кажется, с женой, философ Рем Блюм, филолог Борис Егоров, которого я только что называл, других не помню, больше полувека прошло. Был наспех состряпан незатейливый стол, налили. Первый тост сказал Борис Федорович:

– Выпьем за то, что этот кошмар кончился...

Повторяю, я не уверен, что это была моя первая встреча с Лотманами. Но очень хочется, чтобы была первая. Так история получает хоть какой-нибудь смысл.